

Шопенгауэр Артур

**Афоризмы и максимы Артур
Шопенгауэр**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Афоризмы и максимы Артур Шопенгауэр / Шопенгауэр Артур – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 607 с.

ISBN 978-5-521-31487-4

ISBN 978-5-521-31487-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ появленіемъ этого тома почти исчерпывается содержаніе Шопенгауэровыхъ «Parerga und Paralipomena» («Дополненій и разъясненій»), которыя дали матеріалъ и для первыхъ двухъ книжекъ настоящаго перевода; хотя, впрочемъ, и здѣсь, какъ тамъ, помѣщены нѣсколько главъ изъ второго тома «Міръ, какъ воля и представленіе».

Такимъ образомъ, въ русскомъ переводѣ имѣются теперь всѣ главныя и существенныя произведенія Шопенгауэра, за исключеніемъ: «О зрѣніи и цвѣтѣ» и «Критики Кантовой философіи», по-скольку первая не переведенной А. Фетомъ, хотя она въ полнѣйшій мѣръ находится въ концѣ 1-го тома «Міръ, какъ воля и представленіе» и составляетъ его существенное дополненіе и нераздѣльную принадлежность. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства, я нашелъ полезнымъ перевести ее, и она уже готова къ печати.

Хотя философія Шопенгауэра добилась признанія и широкаго распространенія, но извѣстность и авторитетъ его велики пока только среди образованной читающей публики. Въ кабинеты ученыхъ и въ лабораторіи она еще не проникла. Поэтому вліяніе ея на науку, даже въ его отечествѣ, еще впереди, хотя ея значеніе въ этомъ направленіи уже и теперь обрисовалось ясно.

Естественныя науки, лишенныя объединяющаго принципа, разбрелись, путемъ спеціализаціи, во всѣ стороны и распыляются въ безцѣльныхъ подробностяхъ. Адепты ихъ или тщетно ищутъ душу въ ретортахъ и первоатомахъ, или надменно ее отрицаютъ; а профаны — да и одни ли профаны? — вопрошаютъ о ней у бездушныхъ столбовъ, или у двоедушныхъ шарлатановъ, величая ихъ деликатно «медіумами». Безвѣріе всюду отвергаетъ душу; суевѣріе ищетъ ее гдѣ помяло.

Пора бы, наконецъ, прозрѣть и убѣдиться, что между вѣрою и наукою нѣтъ ничего общаго. Вѣра есть дѣло сердца и дѣйствіе благодати; наука — дѣло ума, разума и разсудка; источникъ ея — опытъ; источникъ вѣры — откровеніе свыше.

Вѣра, ищущая доказательствъ въ наукѣ, вѣра, а суевѣріе. Наука, ссылающаяся на вѣру, — кощунственное суемудріе. У каждой своя область и ни одна не исключаетъ другую, а обѣ могутъ совмѣщаться въ любомъ человѣкѣ, — въ его головѣ и сердцѣ.

Ни одинъ философъ не разграничилъ такъ ясно, какъ Шопенгауэръ, области головы отъ области сердца. Онъ постигъ, что понятіе души, въ томъ бѣемѣ, въ какомъ оно употреблялось до него въ философіи и жизни, недоступно для науки, какъ бѣектъ вѣроученія, а не философіи. И онъ выдѣлилъ реальную часть этого понятія, волю, доступную для опыта, знакомую каждому въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ, и въ ней усмотрѣлъ источникъ моральной значительности и вѣбняемости человѣческихъ дѣяній.

И такой пріемъ не помѣшалъ его этикѣ отъ начала и до конца во всемъ согласоваться съ возвышенною этикою христіанства, ибо онъ доказалъ, что источникъ чистой нравственной цѣнности человѣческихъ поступковъ заключается въ состраданіи, въ милосердіи, а источникъ всякаго зла — въ эгоизмѣ, почему и пришелъ въ послѣднемъ выводѣ къ отрицанію воли къ жизни (эгоизма), — къ христіанскому умерщвленію плоти. Такимъ образомъ, хотя Шопенгауэръ устранилъ изъ своей философіи понятіе души, но это не помѣшало ему построить этику, которая способна только порадовать и утѣшить всякую вѣрующую душу.

Вообще вся философія Шопенгауэра, какъ послѣдовательно проведенная система, нигдѣ не задѣваетъ и не оскорбляетъ религіознаго чувства человека и даже разъясняетъ ему источники про-

исхожденія этого чувства. Если же иногда—весьма, впрочемъ, рѣдко—на читателя дѣйствуетъ предъ-
кновеннымъ образомъ полемическое отношеніе его
къ нѣкоторымъ религіознымъ догматамъ, то эти
бравады гордаго ума всецѣло падаютъ на самого
автора, какъ человѣка, а не на его систему, по-
скольку она, въ принципѣ, рассматриваетъ только
то, что познаваемо, и строго изолируетъ знаніе
отъ откровенія.

Установивъ волю, какъ главный жизненный
двигатель человѣка, онъ прослѣдилъ ея проявленія
во всей природѣ и пришелъ къ выводу, что воля
представляетъ также и внутренній принципъ всего
сущаго въ мірѣ, поскольку послѣдній досту-
пенъ нашему познанію, являясь для насъ одною
стороною—какъ воля, а другою—какъ пред-
ставленіе.

Если ученые когда-нибудь снизойдутъ до фи-
лософіи Шопенгауэра и сдѣлаютъ исходнымъ и
конечнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій волю,
которая извѣстна каждому въ его самосознаніи и
такъ геніально истолкована нашимъ философомъ,
тогда окончится блужданіе и разбродъ естество-
вѣдѣнія, и оно получитъ объединяющее начало.
Матеріалистическая наука не могла отыскать души
въ человѣческомъ тѣлѣ и не въ состояніи свести
жизненную силу на законы механики, а поэтому
должна оставить непринадлежащій ей объектъ и
заняться изученіемъ воли, которая знакома намъ

не въ переносномъ только смыслѣ и неотдѣлима отъ тѣла.

Уже и теперь ясно, что многія загадочныя явленія въ области психики, напр., внушеніе, гипнозъ и т. п., не понятны и не объяснимы безъ предпосылки Шопенгауэровой воли и идеальности времени и пространства, провидѣнной и доказанной Кантомъ. А для знакомаго съ произведеніями Шопенгауэра ясно также и то, что все истинное въ ученіяхъ Дарвина, Ломброзо, Мантегаццы, органически вытекаетъ изъ его системы, отчетливо у него намѣчено и, несомнѣнно, у него же заимствовано, хотя, можетъ-быть, и незавѣдомо. При усвоеніи двухъ указанныхъ доктринъ Канта и Шопенгауэра все чудесное въ психическихъ явленіяхъ исчезаетъ, какъ тѣма при свѣтѣ солнца, а загадочное низводится на степень загадочности любой изъ силъ природы.

Впрочемъ, это мнѣніе профана, а для жрецовъ науки Шопенгауэръ, къ сожалѣнію, еще не авторитетъ. Но почему простые смертные, предающіеся изученію психическихъ явленій, не попробуютъ подойти къ нимъ съ точки зрѣнія двухъ указанныхъ доктринъ, — рѣшительно не понятно. Вѣдь не можетъ же быть, чтобы никто изъ такъ-называемыхъ спиритовъ не былъ знакомъ съ этими доктринами, а между тѣмъ онѣ въ состояніи ихъ образумить и вразумить, что въ интересующемъ ихъ вопросѣ весьма мало загадочнаго, кромѣ развѣ

тѣхъ фокусовъ, которыми морочать ихъ профессиональные медиумы. И, дѣйствительно, разъ время и пространство не реальныя вещи, а функціи нормальнаго мозга (ученіе Канта), то ясно, что при ненормальности этихъ функцій (которая можетъ быть не хронической, а мимолетной) и при мощномъ напряженіи воли, грани пространства и времени могутъ раздвинуться на мгновеніе и нервныя люди видѣть то, что обыкновенно скрываютъ отъ нихъ эти грани. Статья Шопенгауэра «О духовидствѣ» даетъ въ руки схему и руководящую нить, какъ слѣдуетъ смотрѣть на подобныя явленія.

Такъ какъ заглавіе 1-го тома «Афоризмы и максимы» было ошибочно придано и второму тому, то удерживаю его, какъ знакомое читателямъ, и для 3-го тома; хотя въ двухъ послѣднихъ находятся остальные статьи Шопенгауэровыхъ «Parerga».

Переводчикъ.

О духовидѣніи и о томъ, что въ связи съ нимъ.

Привидѣнія и духи, отъ которыхъ, какъ прежде отъ магіи, вопреки всѣмъ предшествовавшимъ фактамъ, если не заклинаніемъ, то опалою, отчуралось велемудрое прошлое столѣтіе, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ *) добились въ Германіи своей реабилитаціи. И, быть-можетъ, не безъ основанія и права. Доводы, приводимые въ опроверженіе ихъ существованія, были частью метафизическіе, а частью эмпирическіе. Первые стояли на шаткой почвѣ, а вторые доказывали только, что въ тѣхъ случаяхъ, когда не было доказано случайнаго или преднамѣреннаго обмана, также не оказывалось въ наличности ничего такого, что могло бы дѣйствовать на ретину посредствомъ отраженія свѣтовыхъ лучей, или на

*) Писано въ концѣ 50-хъ годовъ.

барабанную перепонку — посредствомъ вибраціи воздуха. Это говоритъ, однако, только за отсутствіе какихъ-либо тѣлъ; но дѣло въ томъ, что присутствія ихъ никто и не утверждалъ. Напротивъ, заявленіе ихъ наличности такимъ физическимъ образомъ уничтожало бы истинность появленія духовъ. Ибо уже въ самомъ понятіи, заключающемся въ словѣ «присутствіе», возмѣщается совершенно инымъ путемъ, чѣмъ присутствіе тѣла.

Все, что сталъ бы утверждать ясно понимающій себя и умѣющій выразиться духовидецъ, заключается только въ томъ, что въ его созерцающемъ интеллектѣ обозначается присутствіе какого-либо образа, и образъ этотъ всецѣло неразличимъ отъ того, который, при посредствѣ его глазъ и свѣта, вызывается въ немъ физическими тѣлами, и, однакоже, безъ наличнаго присутствія такихъ тѣлъ въ дѣйствительности. То же самое сказали бы онъ и про слуховыя впечатлѣнія, т.-е., что слышимые имъ стукъ, звуки и слова совершенно тождественны съ тѣми, которые производятъ въ его ухъ вибрирующія тѣла и воздухъ, и опять-таки безъ всякаго присутствія или движенія такихъ тѣлъ.

Здѣсь-то вотъ и коренится источникъ того недоразумѣнія, которымъ проникнуто все, что сказано за или противъ реальности явленія духовъ и привидѣній. Именно, явленіе духовъ изо-

бражается и представляется совершенно такимъ же образомъ, какъ и явленіе физическихъ тѣлъ; однакоже, оно не таково и не должно быть такимъ. Различеніе ихъ трудно и требуетъ знанія дѣла и даже философскихъ и физиологическихъ познаній. Ибо здѣсь дѣло сводится къ тому, что нѣтъ, что воздѣйствіе, одинаковое и тождественное съ воздѣйствіемъ тѣла, вовсе не предполагаетъ непремѣнной наличности тѣла.

Поэтому мы должны здѣсь прежде всего припомнить и при дальнѣйшемъ изложеніи постоянно имѣть въ виду то, что неоднократно уже доказано мною раньше *), именно, что наше созерцаніе внѣшняго міра не просто сенсуально, но, главнымъ образомъ, интеллектуально, т.-е. обусловливается не одними чувствами, но (выражаясь объективно) и мозгомъ.

Чувства даютъ лишь простое ощущеніе въ своемъ органѣ—и только, слѣдовательно, въ высшей степени скудный матеріаль, изъ котораго лишь умъ строить впервые этотъ тѣлесный міръ, примѣняя къ дѣлу а priori знакомый ему законъ причинности, а также а priori присущія ему формы времени и пространства. Возбужденіе къ такому акту созерцанія, въ бодрственномъ и нормальномъ состояніи, всеконечно исходитъ изъ чув-

*) Особенно въ § 21 «Закона основанія» и, кромѣ того, въ «Зрѣніи и слухѣ» 1 и «Міръ, какъ воля и представленіе».

ственного ощущенія, представляющаго дѣйствіе, къ которому умъ полагаетъ причину. Но почему же бы не допустить, что иной разъ такое возбужденіе могло бы изойти также и совершенно съ другой стороны, т.-е. изнутри, изъ самаго организма, и, достигнувъ мозга, помощью его своеобразныхъ функцій и сообразно съ его механизмомъ, получить въ немъ точно такую же переработку. А послѣ этой переработки, различіе первоначальнаго матеріала стало бы болѣе нераспознаваемо, какъ въ хилусѣ неразличима пища, изъ которой онъ выработанъ.

Тогда, при встрѣчѣ съ дѣйствительнымъ случаемъ подобнаго рода, немедленно возникалъ бы вопросъ,—не навсегда ли закрыта намъ возможность разыскиванія дальнѣйшей причины, производящей такое явленіе, гдѣ-либо, внѣ нѣдра организма? — или же, и при исключеніи всякаго чувственного ощущенія, она все-таки могла бы быть внѣшнею причиною, дѣйствующею въ этомъ случаѣ, конечно, уже не физическимъ или тѣлеснымъ образомъ,— и если такъ, то какое отношеніе могло бы имѣть данное явленіе къ свойствамъ такой отдаленной внѣшней причины, т.-е. не содержало ли бы оно указаній на эту причину,—не выражалась ли бы въ немъ даже ея сущность?

Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ въ мірѣ тѣлъ, мы были бы приведены къ вопросу объ отноше-